

обеспечения, которое создает возможность проявления интеллектуальной инициативы со стороны обучаемого, направляет его на исследование и осознание условий учебной деятельности, становится важнейшим средством его дальнейшего интеллектуального роста и умственного развития.

Источники и литература

1. Каменский А.И., Каменская И.Б. Практическая грамматика английского языка: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Харьков: ИНЭМ, 2003. – 312 с.
2. Каменский А.И., Каменская И.Б. Учебник английского языка для студентов экономических специальностей: Курс для начинающих. – Харьков: ИНЭМ, 2005. – 135 с.
3. Kamensky A.I., Kamensky I.B. Multimedia English for Economists: Beginner's Course. – CD-ROM. – V. 1.01. – Eupatoria: IMMERSE, 2005. – 396 MB.
4. Каменский А.И., Каменская И.Б. Приложение к учебнику английского языка для студентов экономических специальностей (курс для начинающих). – Харьков: ИНЭМ, 2005. – 36 с.

Мамедова А.И.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ НЕМЕЦКОЙ НАРОДНОЙ ЗАГАДКИ

Народное творчество, являясь образно-эмоциональным обобщением жизненного опыта, воплощает в себе интеллектуальную мысль и этические нормы поведения. Его роль в общественной жизни подтверждает уже тот факт, что отдельные его виды и жанры (календарные песни, пословицы, поговорки, обрядовая лирика и др.) дошли до нас еще с доисторических времен. Не является в этом случае исключением и загадка, что и обуславливает наличие различных точек зрения на ее природу, функции и роль.

Загадка была объектом изучения таких ученых, как И.П. Березовский, Ф. Буслаев, В.М. Гнатюк, Е.П. Жданов, Е.Н. Елеонская, И.А. Иваницкий, Ю.И. Левин, А.В. Марков, В.В. Митрофанова, Г.Л. Пермяков, А.А. Потемня, М.А. Рыбников, Д.Н. Садовников, И.П. Сахаров, Е.А. Селиванова В.Н., Т.В. Топорова, И.Я. Франко, И.А. Худяков и др. Не обошли ее вниманием и зарубежные лингвисты (И. Вебер-Келлерманн, К. Герд, А. Жоллес, Э. Кенгс-Маранда, Р. Печ, В. Порциг, К. Раух, А. Тейлор, Л. Шмидт, А. Шпамер и др). Целью настоящей статьи является выработка теоретико-методологических основ исследования феномена „загадка“, а задачами – ее осмысление в трихотомии „форма – содержание – функция“.

Загадки отражают достаточно высокий уровень познания мира, который предстает в них во всей своей динамике, в столкновении, в многообразии своих отношений и связей. Основное значение жанра загадки состоит в том, что она развивает в человеке сообразительность и догадливость в контексте поэтическое мировосприятия, что непосредственно связано с механизмами ее возникновения, становления и генезиса.

Древность этого жанра народного творчества не вызывает сомнений, но отсутствие прямых данных, объясняющих характер и значения форм и их социальных функций оставляют вопрос открытым. Мнения ученых по этому поводу не расходятся.

Так, В.П. Аникин [1, с. 56] связывает происхождение загадок с так называемой условной речью, когда человек в силу каких-либо жизненных обстоятельств не мог назвать что-либо своим именем и вынужден был прибегать к завуалированным номинациям (например, табу). Как известно, табу налагалось на названия зверей и птиц во время охоты или подготовки к ней, в противном случае охотника ожидала неудача.

Подобный вариант умалчивания был характерен и в иносказательных свадебных речах, когда ни жених, ни невеста не должны были упоминаться, что якобы должно было предохранять их от воздействия враждебных сил. Иносказательная речь была присуща и семейным отношениям, особенно когда в дом жениха входила невеста, становясь новым членом семьи (снохой), поскольку считалось, что присутствие постороннего человека оскорбляло дух предков этого дома, и, чтобы не навлечь на нее кару, ее имя не упоминалось или заменялось каким-либо другим. Знание особой иносказательной речи было обязательным для каждого человека, желавшего обеспечить себе и близким благосостояние и достаток.

Г.Л. Пермяков [12, с. 215] подчеркивает наличие в загадках пережитков старых космогонических воззрений, а И.А. Седакова и С.М. Толстая [14, с. 233] связывают ее происхождение с определенным архаическим ритуалом, с явлениями табуизацией и мифопоэтическим картинированием мира.

Интересную гипотезу о происхождении загадок выдвигает Й. Хейзинга. по мнению которого, они суть разновидность священной игры, имеющей опасный характер в том смысле, что она почти всегда выступает как “головомная”. Жизнь – это “ставка в игре” [19, с. 113].

Становление и генезис феномена загадки имеет непосредственное отношение и к ее **дефинициям**, отличающимся, как правило, многосторонностью и полиаспектностью. По выражению М.А. Рыбниковой [13, с. 6], она составляет своеобразный курс “мироведения”, А.К. Оглоблин [11, с. 81] определяет ее как диалог, в котором “один из участников должен угадать и назвать слово или предложение, задуманное другим участником, но названное им не прямо, а в виде намека или иносказания.

К. Раух [23, с. 12] характеризует загадку как описательное изображение не называемого предмета, целью которого является побуждение адресата к раздумью и отгадке, что приводит к свободной игре духа, т.е. как интеллектуальное развлечение, М.К. Дмитренко [6, с. 12-37] – как короткое афористическое произведение, построенное на метафорах и аллегориях в хитромудрой вопросительной и утвердительно-

констатирующей форме. Канадская фольклористка

Э. Кенгс-Маранда придерживается мнения, что теоретическое определение загадки – не столь необходимо для идентификации жанра. Тем не менее приведем несколько ее дефиниций, предлагаемых справочной литературой: „иносказательное описание какого-либо предмета или явления, которое нужно узнать“ [15, с. 335], “что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство, иносказание или намеки...” [5, с. 699], “задание для раздумий, в большинстве случаев наглядно-конкретное описание объекта, который следует отгадать и которое может быть использовано как интеллектуальный продукт” [21, с. 56], “задание, игра, которая должна быть решена, тайна, нечто неизвестное” [22, с. 291].

Эти и другие определения при наличии некоторых различий обнаруживают целый ряд общих характеристик, что позволяет говорить о сжатом иносказательном описании чего-либо таинственного, неразгаданного, представленного в виде прозаического или поэтического вопроса и выступающего как озадачивающая игра.

Понятийный мир немецкой народной загадки опирается на совершенно четкую систему концептов, организованных в концептосистему и интегрированных в концептосферу этноса, в которой основополагающим являются национально значимые ценности и этнокультурно маркированные понятия добра и зла, рождения и смерти, любви и ненависти и пр. При этом основные акценты в ней смещены в сторону онтологии жизненного мира человека. В этом смысле загадка представляет собой серьезную проблему когнитивно-семантического порядка.

С семантикой загадки тесно связан вопрос о ее **тематической типологии**. Г.Л. Пермяков [12, с. 102] делит все паремии на одно- и многотемные, причисляя загадки к последним. Ю.И. Левин [9, с. 283] утверждает, что с точки зрения семантики загадка определяется “как текст, денотатом которого служит некоторый объект, в этом тексте явно не названный”.

Одной из наиболее известных и логически упорядоченных является таксономия, предложенная И.Я. Франко, где в основу положено мировоззрение, построенное на идеализации и персонификации сил и явлений природы, религиозные верования. Он различает три группы загадок – анимические, зооморфические и антропоморфические [18, с. 332-346].

Наряду с этим существует и типология И.П. Березовского [3, с. 103-214], в основу которой положены такие понятия, как природа, человек и его жизненный мир. Э. Кенгс-Маранда различает эмоциональные, интеллектуальные и информативные загадки. Первые наталкивают на ложный ответ, создают атмосферу, окрашенную эротикой, вторые считаются “истинными” и требуют интеллектуальных усилий, третьи опираются только на точные знания [8, с. 255].

Г.Л. Пермяков [12, с. 219-120], считающий неудачными многие из существующих классификаций загадок, делит их по ответам, которые относятся к той или иной области человеческой деятельности. Но это вряд ли можно считать удачным, т. к. многие из загадок могут вообще не иметь ответа или иметь целый ряд ответов, каждый из которых представляет определенный род деятельности. Кроме того, многие загадки могут быть представлены числовым ответом, ответом-картинкой, ответом-жестом, ответом-схемой или ответом-ситуацией.

Все это наводит на мысль, что классификация загадок по отгадкам не столь идеальна, как это принято считать. Очевидно, целесообразнее придерживаться типологии немецкой народной загадки, основанной на формально-структурных принципах. На основании этого можно выделить три жанрово-композиционные группы:

- прозаические загадки со словом-отгадкой или группой таких слов (*Wie sprechen die Deutschen über die Engländer?* {deutsch}),
- стихотворные (рифмованные) загадки, подразумевающие наличие слова-отгадки /группы слов/ (*Wer sitzt geduldig vor dem Loch und fängt das kleine Tierchen doch?* {die Katze}),
- аналитические загадки-истории, предполагающих наличие целой ситуации-ответа (*Hans' Beruf bringt es mit sich, dass er einsam ist* {Hätte er das Licht angelassen, wäre nichts passiert}).

Фольклорно-эстетическая природа загадки предполагает и рассмотрение ее **структуры**, которая определяется отношением отгадки к загадке, а также логикой и семантикой ее интеррогативной части. Как правило, это состоящие из двух частей мини-тексты. Одной из самых характерных и существенных структурных черт загадок, по мнению Г. Л. Пермякова [12, с. 220], является их четкое деление на две части, каждую из которых должен воспроизводить отдельный человек. Дискретность структуры в виде внешней и внутренней систем загадки подчеркивает Ю.И. Левин. При этом, компонентами текста загадки он считает наличие двух свойств, которые могут присутствовать или частично отсутствовать: ее структурность и нереалистичность, а наличие хотя бы одного из этих свойств создает “внутренний роинт загадки” [9, с. 294]. О двусоставности загадки пишет и Т.В. Топорова [17, с. 18], подчеркивая, что они являются одним из немногих “взаимных” (reciproca) жанров и могут быть реализованы двумя активными исполнителями.

Э. Кенгс-Маранда описывает структуру загадок по степени их сложности и выделяет простые (одночленные, содержащие одну истинную, одну ложную посылку и один ответ), сложные (содержащие те же самые компоненты, но при условии, что какой-либо из этих компонентов распространен) и цепные (с многочисленной образной частью и многочисленными ответами) [8, с. 252].

В.Н. Топоров [16, с. 37] утверждает, что контекст индоевропейской космогонической традиции изложен в вопросно-ответной форме, где между задающим вопрос и отвечающим на него происходит интеракция, в которой воссоздается процесс порождения мира. Проблема бинарности находит отражение и в работах А.К. Оглобина, Е.А. Селивановой, С.М. Толстой и др., отмечающих асимметрию, т.е. тот факт, что одна и та же загадка может иметь несколько разгадок и наоборот. Ср.: *Ich werde gestern sein, Bin morgen*

dagewesen {heute}; An welchem Tage ist die Sonne auf-, aber nicht untergegangen? {heute}.

Бинарная организация загадки не ограничивает, однако, разнообразие ее **форм**, среди которых немецкая справочная литература приводит вопросы, шарады, арифмографы, логогрифы, загадки в картинках (ребусы), анаграммы, шутки, не имеющие решения, кроссворды [21, с. 58]. Самым простым и одновременно древнейшим проявлением загадки, по мнению многих исследователей, была форма вопроса, содержащего игру слов или злую шутку: *Was sehen alle Blinden und hören alle Tauben? {Nichts}.*

Наиболее излюбленная и распространенная форма загадок на сегодняшний день это – кроссворд, относится скорее к механическим формам загадок, в которых проверяется не столько мудрость и остроумие, сколько способность механически воспроизвести имеющиеся знания и умения. К подобным механическим загадкам относятся и другие их многочисленные формы: загадки-переносы, загадки-лесенки, математические загадки, требующие определенных вычислений, а также так называемые “квадратные загадки”, играющие определенную роль в символике и кабалистике [23, с. 21].

Формы загадок разнообразны не только в языке, но и в жизни. К “жизненным” загадкам относятся: судебный процесс (где судья или присяжные должны “отгадать” для себя истину – виновность / невиновность подсудимого), разговор врача и больного, занятия в учебных заведениях, экзамен (вопросы учителя являются в некоторых случаях загадкой для учащихся) и так далее.

Разнообразие форм отражает и достаточно внушительное функциональное многообразие загадок. Г.Л. Пермяков [12, с. 88] считает, что вместе с другими паремиями они обладают семью **функциями**, доминантной из которых является поучительная. По мнению В.Н. Топорова [16, с. 68-72], функции загадок четко коррелируют с определенными смысловыми блоками: антиэнтропийным (создает противодействие поглощению космоса хаосом), логико-гносеологическому (ориентирован на познание), информационно-коммуникативному, лингвистическому, магико-религиозному, аксиологическому (отражает основные ценности лингвокультурного сообщества).

Помимо перечисленных А.В. Ерема [7, с. 84] выделяет еще и дидактико-познавательную функцию, отмечая, что она имеет сильную эстетическую окраску. Многие исследователи подчеркивают также комическую и лудическую функции загадок.

Принимая во внимание то, что загадка является ярким представителем паремического жанра, логично будет предположить, что ее функции тесно переплетаются с функциями других представителей этого жанра. Следовательно, ей присущи: репрезентативная (каждая загадка является репрезентантом какого-либо предмета или явления), коммуникативная (возможность передавать информацию о чем или о ком-либо), а также функции общего отображения (нечто изображается лишь в самом общем виде), законченности – незаконченности (она только называет предмет или явление, но не передает ключевую информацию о них), соотношения с речевым актом (функционирование и актуализация только в определенных дискурсивных ситуациях) [2, с. 8-12].

По мнению Н.Б. Мечковской [10, с. 365], у загадки существует своя эволюция, которая свидетельствует о взаимопроникновении жанров народного творчества. Движение этой эволюции направлено от “загадок всерьез” (т. е. от загадок испытаний и состязаний) к загадкам-шуткам. Позднее наблюдается их проникновение в сказки – сначала в волшебные, позднее в бытовые, а, в конечном итоге, и в анекдоты.

Г.Л. Пермяков [12, с. 215] отмечает, что нередко загадки выступают в роли промежуточных фольклорных форм. Так, существуют басни-загадки, сказки-загадки. В широком смысле слова они могут рассматриваться как “языковые трансформы побасенок и анекдотов, с одной стороны, и пословиц и афоризмов, с другой”. В качестве иллюстрации приведем следующую историю-анекдот: *“Ein Derwisch stand am Weg mit seinem Sohn, als ein Leichenzug vorüberzog. Da fragte der Sohn: “Vater, was ist das dort?” Er entgegnete: “Ein Mensch!” “Wo tragen sie ihn denn hin?” “An einen Ort, wo es weder Essen noch Trinken gibt, wo kein Wasser, kein Brot, kein Holz und kein Feuer, keine Matte und kein Teppich ist”. Der Sohn entgegnete: “Da bringen sie ihn wohl zu uns?”* [20, с. 21].

Как эстетический феномен загадка имеет много общего с другими фольклорными жанрами – прежде всего, с детским фольклором, пословицами, заговорами, считалками, приговорами. При помощи загадок отображается как материальное, так и духовное окружение человека, прослеживается история развития материальной культуры этноса, особенности его быта, жизни и природы.

Являясь представителем фольклорного жанра, загадка обладает всеми присущими этому жанру особенностями и несет в себе эстетическую нагрузку, воспритывая поэтическое восприятие мира. Она является весьма привлекательным объектом исследования не только для фольклористики и литературоведения, но и лингвистики, для которой достаточно перспективными является изучение ее лингвокогнитивного и лингвопрагматического обустройства на материале разных естественных языков.

Источники и литература

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – Л.: Госпедгиз, 1957. – 240 с.
2. Баран Я.А. Фразеологія у системі мови: Автореф. дис... д-ра філ. наук. – К., 1999. – 25 с.
3. Березовський І. П. Українські народні загадки. // Український фольклор: Критичні матеріали. – К.: Вища школа, 1978. – 288 с. – С. 156-167.
4. Гнатюк В. М. Вибрані статті про народну творчість. – К.: Народознавство, 1976. – 247 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. – 699 с.
6. Дмитренко М.К. Загадка // Українська фольклористика: історія, теорія, практика. – К.: Народознавст-

- во, 2001. – С. 12–37.
7. Єрема А.В. Народні паремії як засіб створення комічних ситуацій // Література. Фольклор. Проблеми поетики. – К.: Наукова думка, 1994. – 82 с.
 8. Кенгс-Маранда Э. Логика загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, тип). – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1978. – 320 с.
 9. Левин Ю.П. Семантическая структура загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1978. – 320 с.
 10. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. – М.: Академия, 2004. – 432 с.
 11. Оглоблин А.К. Типы яванских загадок (К вопросу о соотношении формы и значения) // Паремииологические исследования. – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1984. – С. 81–95.
 12. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремииологии. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
 13. Рыбникова М. А. Наш сборник. // Загадки. – М.: Academia, 1932. – С. 224 с. – С. 6.
 14. Славянские древности. – М.: Международные отношения, 1999. – 700 с.
 15. Словарь современного русского литературного языка. – М.–Л.: АН СССР, 1955. – Т. 4. – 1364 с.
 16. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. – М.: Индрик, 1994. – С. 10-117.
 17. Топорова Т.В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 236 с.
 18. Франко І.Я. Останки первісного світогляду в руських і польських загадках народних. – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 26. – С. 335-343.
 19. Хейзинга Й. Homo ludens. – М.: Просвещение, 1997. – 416 с.
 20. Bestrafte Neugier. – München: Gustav Kiepenheuer, 1986. – 96 S.
 21. Brochhaus Lexikon (in 20 Bdn). – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1989. – Bd. 15. – 335 S.
 22. Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch (in 6 Bdn). – Stuttgart: 1983. – Bd. 5. – 906 S. – S. 291.
 23. Rauch K. Rätsel aus aller Welt. – Düsseldorf – Köln: Eugen Diederichs, 1965. – 184 S.

Александрова В.Г.

ЭЛЛИПСИС В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Объектом рассмотрения настоящей статьи является эллипсис/эллипс (Ø) во фразеологических единицах, понимаемый как опущение того или иного структурно необходимого и семантически значимого компонента слова, словосочетания и предложения, т.е. “перевод его в импликацию” [6, с. 229]. В первом случае речь идет о лексическом эллипсисе, а во втором и третьем – о синтаксическом.

Обычно синтаксический эллипсис различают по трем его параметрам: по конвенциональности / неконвенциональности [1], по месторасположению в структуре предложения (инициальный, медиальный, финальный [17, с. 156]), по позиции опущенного компонента (прогрессивный, регрессивный [15, с. 55]), а также по количеству пропущенных компонентов (одно-, двух-, трехместный). Все эти виды и типы эллипсиса вместе с редукцией, контаминацией, парцелляцией и пр. имеют место лишь в связи с процессами упрощения поверхностной структуры предложения и основывается на явлении обязательного окружения [6, с. 229].

Несмотря на то, что синтаксический эллипсис можно считать довольно хорошо описанным в специальной литературе, тем не менее довольно обширная сфера эмпирического материала остается все еще недостаточно изученной в контексте актуализации процессов упрощения как звучащего, так и письменно фиксированного предложения. Речь идет о синтаксически значимых фразеологических единицах, имеющих статус словосочетания (идиомы) или предложения (паремии).

Исходя из этого, основной задачей данной статьи является изучение и описание путей и способов эллипсирования смыслорелевантных элементов в структуре фразеологических единиц (ФЕ) современного английского языка. Как известно, ФЕ создаются для образно-эмоциональной оценки предметов и явлений объективного мира, уже названных в языке [2, с. 354]. Основная специфическая черта, отграничивающая их от свободных сочетаний слов, заключается в том, что в процессе общения они не создаются говорящим, а используются в виде “заготовок”, т.е. каждый раз воспроизводятся вновь как готовые единицы с постоянным составом и конвенционализированным значением [10]. В этом смысле ФЕ как бы существуют в виде специального банка данных, доступ к пользованию которыми открыт каждому представителю соответствующего лингвокультурного коллектива.

Очевидно, этот факт позволяет считать ФЕ одним из важнейших объектов молодого направления в языкознании – лингвокультурологии. Именно ФЕ являются весьма значимыми для анализа лингвокультурной специфики языка, поскольку отражают ценностные ориентации носителей определенной культуры и традиций [12]. По словам В.И. Карасика [7, с. 87], эта отрасль языкознания переживает сейчас период расцвета, одной из причин чего является прикладная сторона лингвистического знания, понимание языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта, закодированного во всем богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов, формульно-этикетных шаблонов и пр.

Сфера фразеологии в ее широчайшей аспектологической палитре постоянно привлекает внимание лингвистов. В грамматическом отношении она является всесторонне изученной в рамках моррисовской